

29 ДЕК 1978

СОВЕТСКАЯ ПУШКИ
г. Москва

Рассказывает народная артистка СССР Галина Ковалева.

ЩЕДРОСТЬ

— Галина Александровна, наверное, уместно в такой день спросить: кому вы обязаны тем, что стали певицей, народной артисткой Союза, лауреатом?

— Вы знаете, в юности я менее всего думала о музыке. Родилась и выросла я на Кубани, где просто невозможно представить себе человека безголосым. У нас пели все. Мы умели видеть, дышать, ходить, петь—и по-другому быть просто не может. С таким убеждением выросла и я.

В те грудные годы, особенно для нас, деревенских жителей, окном в большую жизнь, в культуру было радио. Я слушала радио и пела потом сама все, что запомнилось,— от «Соловьи» Алябьева до арии Сусанина «Чуют правду». Это была моя первая музыкальная школа.

А потом я приехала в Саратов и стала работать в школе старшей пионервожатой. И однажды на школьном вечере спела. Вот тут и кончилась моя спокойная жизнь. Мой товарищи-учителя сначала уговаривали пойти в консерваторию, потом просто привели туда за руку. К величайшему моему удивлению, меня приняли, хотя учебный год уже начался.

Но, поверьте, вполне могло произойти и такое: я случайно куда вошла однажды и однажды случайно вышла, ибо сам факт поступления в консерва-

торию не изменил моего отношения к пению. Его изменила Ольга Николаевна Стрижова, мой педагог. Поначалу мне, при несерьезном отношении, было очень легко учиться, а Ольге Николаевне учить меня—трудно. На все ее самые разные требования ответ мой был один: я умею петь.

И вот однажды она взяла меня с собой в оперу, на «Аиду». С того дня прошло много лет. За эти годы я услышала очень многих великодушных певцов на самых значительных сценах мира, но ни с чем я не сравню то состояние полной потрясенности, которое я испытала на первой в моей жизни опере, на «Аиде», в саратовском театре. Я поняла, что я ничего не умею, что музыка—неведомый мне огромный мир. И этот мир так прекрасен, что стать хоть малой частицей его—великое счастье. Понимаете, если вообще возможно родиться заново, то я почти в 20 лет заново родилась на «Аиде»...

И начались занятия. Изо дня в день, из месяца в месяц на уроках у Ольги Николаевны я пела Глинку. И слышала изо дня в день: «Глинка развивает слух, диапазон, вкус...»

Я понимаю не только сейчас, я понимала и тогда, что Ольга Николаевна Стрижова делала

для меня больше, чем должен педагог. Человек высокой, настоящей культуры, она все, что знала и умела сама, старалась вложить в мою душу и в мое владение профессией. Я этому не удивляюсь, теперь истинная культура всегда предполагает душевную щедрость, не так ли? Но мое чувство к Ольге Николаевне я затрудняюсь назвать каким-то одним словом, это гораздо, гораздо больше, чем благодарность.

— Галина Александровна, а в Ленинграде был ли рядом с вами такой человек?

— Нет, второй Ольги Николаевны у меня не было, да и это, наверное, было бы несправедливо щедро. Но одного ленинградца назову непременно. Это Сергей Витальевич Вальцын. Под его руководством я готовила свои первые партии на сцене Кировского театра. И это снова был Глинка—Людмила в Антониде. Очень строгий музыкант, классик, для него самое ругательное было слово «итальянщина». Я работала с ним недолго, но его слова—если звучит Глинка, будет звучать все—стали моим творческим кредо.

Я пою много, только в репертуаре театра постоянно несколько партий самых несложных композиторов. Но я всегда проверяю себя Глинкой.

И, конечно, очень много значил и значит для меня сам Ленинград и театр, куда меня приняли. При всем моем по сию пору нежном отношении к Саратову могу сказать, что Ленинград сам по себе это целый мир, где все определено гармонией, красотой и высокой духовностью устремлений. Здесь одновременно очень ощущаешь весомую власть традиций и негаснущую искру поисков нового.

Этот город, этот театр дали мне возможность работать много, разнообразно, с прекрасным оркестром, в прекрасном ансамбле, в обстановке дружелюбного внимания. Последнее очень много значит не только для певца.

— Сегодня вы уже не только певца, но и педагог, профессор Ленинградской консерватории

— И очень люблю своих учениц. Кажется, ничему так в жизни не радовалась, как их первым успехам. Талант крепнет у тебя на глазах, и от тебя зависит, каков он будет. Это не просто ответственность—отдать себя другим, юным. Начинаешь новый жизненный круг, живешь заново, страдаешь и надеешься...

З. ГОРЧАКОВА.